

Мариинская драгоценность

Первый юбилей Дианы Вишневой — четверть века со дня рождения

В судьбе Дианы Вишневой нет ничего мелкого: все совершается по большому счету. Даже самая ее известность началась на мировом уровне. Мир с упоением принял ее в качестве вундеркинда — ученицы Вагановской академии. И продолжает восхищаться ею в качестве артистки Мариинского театра. За смелость и щедрость, то есть за «чрезмерность» дара. Этим она равно раздражает и привлекает — чрезмерностью работы, уверенности и сил. Независимостью. Странным сочетанием безоглядности и умения рассчитывать. Беззащитностью и умением постоять за себя. Даже титул «балерина assoluta», каковой Вишнева, по сути, является сейчас, не вполне подходит ей. Она не балерина-символ. Или духовная абстракция. Магнетизм ее глаз не подавляет и не отражает скорбь мира. Ее гармония земная, хотя — парадокс — именно она первой была отмечена титулом «Божественная».

В карьере Вишневой нет ощущения легкости, что все далось само собою. Удержав, в отличие от многих ранних звезд, за время работы в театре положение балерины, сегодня Диана Вишнева вышла на новый этап творчества. Созданный ею в повседневном репертуаре собственный театр — результат способности изменить мир спектакля. В ее ролях развиваются — от одной к другой — однажды заявленные темы. И помогают найти неожиданный ракурс. Черты ее Гюльнэры заметны в Кармен и Манон. Картина «Тени» трансформировалась в дуэте «В ночи», «Баядерка» продолжила «Жизель»... Силой духа и убежденности ее героини сродни «Держательнице мира». Спектакля. Ее сюжет — женщина-спасительница, Сольвейг. Неважно, что ее Манон — совсем не та, что у Прево. Кто поверит в ее измены? И в балетах Ноймайера проглядывают черты Джульетты — той, что сестра Тибальда.

Вишнева создает свой мир, отсчитывая его построение от логического центра спектакля, порою вызывая недоумение неожиданностью созданного ею сюжета. Поэтому обычно признание совмещается с замешательством. И лучшая роль — ее Джульетта — осталась неотмеченной, ушла из репертуара. Балерина повзрослела. Одинокая комета превратилась в мастера дуэта, доведенного до совершенства в спектаклях с Фарухом Рузиматовым — «Дон Кихот», «Кармен», «Аполлон», «Бахти», «Баядерка», «Шехеразада».

Вишнева не мелочится в своем искусстве. Ее танец вырывается из строгих рамок, наполненный властным ликованием. У артистки свое видение норматива танцевального обряда. Вариации она танцует как сконцентрированный спектакль — так, как задумывал Петипа, предназначая их для балерин. И этой уверенностью делает их сродни балансирующим партиям. Не мелочится она и в карьерных перипетиях. В этом сезоне бурную реакцию в театре вызвал ее отказ от премьеры «Щелкунчика». Ее «Жизель» была принята не сразу, упрекаемая в отходе от традиций и сложившихся мнений. Лишь на фестивале Мариинского балета, исполненная с Владимиром Малаховым, она наконец безоговорочно была засчитана в разряд триумфов. Сюда добавились «Баядерка», все три поставленных Ноймайером в Мариинке балета, «Шехеразада». Признание было облечено в разные формы. Ноймайер пригласил станцевать в «Даме с камелиями» и «Жизели». Родина наградила «Золотой Мас-

Фото Н.А.ЮЗЕВ

кой» и Государственной премией.

Дебют в «Баядерке» стал неожиданным. Спектакль считали не очень-то отвечающим ее данным. «Шаблон» трагической балерины — статная, с удлинёнными линиями исполнительница. Но — далеко не такими были первые исполнительницы «Лебединого», «Раймонды», «Баядерки». Все решила способность Вишневой смести пыль, сохранив трепетное отношение к формам старинного уклада. Она сыграла ритуал: ее балет — не «украшение», но служение. Точно выверенная партитура жестов, взглядов, грим и костюмы скоординированы с танцем и пантомимой. На Никию Вишневой, безусловно, повлияла партия Авроры в реконструированной «Спящей кра-

савице»: артистка предстала в роли балерины Петипа — обожествленного центра мироздания балетного спектакля и светской львицы. Она восстановила родство с «двойственными» персонажами других балетов великого француза: чуть ли не впервые в истории исполнительства столь явственно разделив роль на жрицу, служительницу культа, и трепетную влюбленную.

Последний дебют сезона — Зобеида в «Шехеразаде». Манон Востока любит султана прежде всего за то, что он знает ей цену. Она первенствует в своем мире — остальные в расчет не берутся. Героиня Вишневой — вампир любви. И оттого место ушедшего султана заменит другой. Пережив всплеск

страсти, она не вернется к прежнему. И нет у нее ни особой вины, ни жалости к убитому любовнику. Все, что произошло — произошло в ней самой. Смерть Зобеиды наступает до удара ножом — она ломается, как кукла, из которой вынули стержень...

Пожалуй, Диана Вишнева — единственная в истории балерины (кроме, может быть, Марины Семеновы), которая способна примирить вечных антагонистов — петербургский и московский стили, актерские школы представления и переживания. Она раскрывается в универсальности — актерской и танцевальной. Итальянка, русская, американка, француженка... Ей подходит любая школа. В ней фантастическое сочетание силы и

хрупкости, силы движущей и энергетической, российского мессианства в отношении к танцу — и западной прагматичности спорта. Ее рост совершен за счет внутренних усилий. Ее искусство воспринимается и как рациональное, и как волшебное. Она демонстрирует уверенность в том, что делает на сцене: это актриса на генетическом уровне. Вишнева не предоставляет зрителям возможности любоваться своими рефлексиями. Ее личность — того уровня, который подчиняет ход истории. «Гордость — ноша тяжелая. Тяжело все, что ценно».

Д.Вишнева — Джульетта

Ирина ГУБСКАЯ
Санкт-Петербург